

* * *

Романтики годов шестидесятых,
Мы верили, что через двадцать лет
Из обращения будет ложь изъята,
Счастливый всем достанется билет.

Мы, выходцы поры послевоенной,
В землянках да бараках родились.
В “военку” мы играли вдохновенно,
И стенкою на стенку мы дрались.

Друг друга, изловчась, в дерьме валяли,
Но в голову не целились ногой,
И никогда тогда не позволяли,
Чтоб семеро лупили одного.

Родители мораль внушали мало.
Считали, что за лекцией уснем.
Учили по-другому: попадало
Ладонью, хворостиной и ремнем —

За порванную в драке телогрейку,
За дырку в новом купленном носке.
Часы “Победа” знали, а не “Сейко”,
Не на своей — на маминой руке.

Отцы тогда газеты вслух читали,
Особенно о культуре, о былом.
И Сталина портреты не вставляли
В автобусах за лобовым стеклом.

Мы верили: духовные кастраты
Ушли в небытие, как Древний Рим.
Мы долго съездом бредили двадцатым.
И восхищались мы двадцать вторым...

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА С ХОРОШИМ ОКОНЧАНИЕМ

У Ивана Ильича — ох дела! —
Теща Марковна вчера померла.
И спешит Иван Ильич на завод,
Заявление начальству несет.
“Так и так, мол, теще нынче — хана.
От завода ваша помощь нужна.
Сорок лет корпела на предприятии.
Вы на гроб ей хоть червонец потратьте.
На заводе есть строительный цех”.
А директор молодой, как на грех.
Ветераны неизвестны ему,
А все с просьбами — к нему, все к нему!
А он работает лишь месяца два.
План летит к чертям! Трещит голова!
Он кричит: “Помочь готов бы я очень,
Но, пойми, свободных нету рабочих”.
Распалился, разъярился Ильич:
“Ветеран я, не какой-нибудь бич!
Сорок лет! — кричит Иван, как в бреду. —
Не дадите — до обкома дойду”!
Хлопнул дверью, закурил и пошел.
Столяров слегка поддатых нашел.
Столковался: “Гробик сделайте, братцы.
Помогу я вам крепче набраться”.
Цель поставлена. Бегут столяра.
Измеряют, пилят. Все — “на ура”.
Гроб — в порядке, красным крепом обшит.
Теща Марковна во гробе лежит.
В это время открывается дверь,
И заносят гроб второй — верь не верь! —
Работяги, плотника заводские.
А глаза у Ильича — вот такие!
Не глаза у Ильича — пятаки.
Но руками развели мужики:
“Нам директором был даден приказ.
Мы при чем? Кончай ругаться на нас”.
Гробо́вая поднялась тишина.
Вся изба гробами завалена.
Расширяется кладбищенский сектор.
Удружи́л, подлюга, новый директор!

Вдруг Пофирьевна, Ванюшина мать,
Начинает в лишний гроб залезать.
Повертелась взад, вперед, вверх и вбок.
И из гроба подает голосок:
“Не вертай его ты, Ваня, назад!
Правда, гробик мне чуть-чуть маловат.
Но, пожалуй, перед тем, как подохну,
Я, значительно, конечно, усохну”.
...И хранится этот гроб в гараже.
У Порфирьевны легко на душе.
Когда смертный ее час подойдет,
Будет родственникам меньше хлопот.

* * *

Смотрю на фото. Мы с тобой в объятьях.
Восьмой этаж. Какая высота!
Я — в черном весь, ты в белом-белом
платье.

Растерян я, а ты весьма горда.

Нашла ты, наконец, что так искала.
Кольцо на пальце — вот предел мечты!
Ты предложила выбросить бокалы:
“На тот барак как жахнем с высоты!”

Загс позади. Возврата нету. Поздно.
— Зачем бокалы бить? Какая чушь.
Но ты бокал швырнула грациозно.
Твоя подружка напевала туш.

— Барак — он есть барак. Но все ж не
свалка...

Ты хмурилась: “Ведь это к счастью, бей!”
Хотел я счастья, только было жалко
Творения искусного людей.

В том миг я вспомнил детство...
Слезы льются.
Ужасную испытываю злость.
Нечаянно разбил отцово блюдо —
И склеить мне его не удалось.

Звала бабуля: “Киселька попейте!”
И кучу мы устроили малу.
Я расколол стакан за семь копеек
И полчаса потом стоял в углу.

...Перечить не посмел своей богине.
Метнул бокал. Рука не подвела.
Лежат, видать, на крыше и поныне
Осколки драгоценного стекла.

...Разбить бокалы показалось мало.
И жизнь разбили мы. Уменье есть!
А счастья нет, и нет, к тому ж, бокалов,
И тост теперь над ними не прочесть.

Красивый жест! Конечно, я пристрастен.
И все-таки фальшив он, хоть убей, —
Ведь, согласитесь, что со словом “счастье”
Не вяжется нисколько слово “бей!”